

Национальная ассоциация специалистов
по банкротству и управлению
проблемными активами
«БАНКРОТНЫЙ КЛУБ»

625003, Тюменская обл., г. Тюмень,
ул. Клары Цеткин, д. 61, к. 4/2
+7 (922) 005 30 79
<https://bankruptclub.ru>
ses@bankruptclub.ru

14 мая 2019 г.

ОТЗЫВ НА АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ

Сайфуллина Рауила Исламовича

на тему «Поручительство и банкротство:

взаимная связь правовых институтов»

на соискание ученой степени кандидата юридических наук

1. Как театр начинается с вешалки, так и (хорошая) диссертация начинается с названия. Увы, часто из одного названия диссертации уже понятно, что научной работы нет. К счастью, автореферат диссертации Рауила Исламовича из другого (хотя и редкого пока) числа – тут, наоборот, уже одно название сразу хорошо говорит о качестве работы, ибо как раз самая важная вещь, которую нужно понять про поручительство, это как раз его конструктивная связь с банкротством. Банкротное право является одним из самых пострадавших в советский период, когда его попросту не было – а вслед за ним пострадали как раз и такие обеспечительные институты как залог и поручительство, поскольку их истинный и основной смысл был выхолощен. В связи с этим неудивительно, что в нашем постсоветском Гражданском кодексе правила об обеспечении исполнения обязательства написаны так, как будто банкротство не есть то, о чем собственно перестает пекься кредитор, прибегший к такому обеспечению. Это хорошо видно даже из такого простого факта, что первоначальный текст главы 23, посвященной обеспечению, ни разу не использовал само слово

«банкротство» (да и сейчас, даже после реформы 2013 г., использует его всего один раз и по не самому важному вопросу).

Много времени понадобилось и судебной практике, и доктрине, чтобы восстановить связь обеспечения и банкротства, и диссертация Рауила Сайфуллина есть прекрасное изложение и осмысление этого пути.

Немало ошибок было сделано на этом пути, связанных с игнорированием этой связи – это и прекращение поручительства при ликвидации или смерти основного должника, и влияние мирового соглашения в деле о банкротстве на отношения кредитора с поручителем, и установление требования в деле о банкротстве поручителя в размере, ранее установленном в деле о банкротстве основного должника. Обсуждаемая работа позволяет хорошо понять ошибочность этих решений и причины и их уже произошедшего или предстоящего пересмотра российским правом.

Более того, Рауил Сайфуллин – не посторонний и пассивный наблюдатель, а один из активных участников этого пути. Во время работы автора этого отзыва в Высшем Арбитражном Суде Российской Федерации ему довелось быть свидетелем того, как общение с Рауилом Исламовичем и чтение его статей было одним из источников поиска решений на этом пути (среди которых важное место занимает постановление Пленума этого суда по поручительству, многие идеи которого впоследствии были поддержаны законодателем в ходе реформы Гражданского кодекса).

Благодаря многолетней работе Рауила Исламовича мы имеем теперь системное исследование связи поручительства и банкротства, с которым теперь эта часть российского банкротного права имеет осмысленный и системный вид, позволяющий ей работать эффективно.

2. Высоко оценивая проделанную автором работу и разделяя большинство ее тезисов, мы тем не менее хотели бы обратить внимание на дискуссионность некоторых положений автореферата.

3. Неясно, почему и зачем автор называет неимущественными такие права кредитора как право на участие в собрании кредиторов с правом голоса, право инициировать процедуру банкротства и право на получение пропорциональной доли при распределении конкурсной массы (с. 11-12 автореферата).

Как минимум одно из напрямую имеет предметом имущество (право на участие в выплатах), а оба других – непосредственно направлены на реализацию первого.

Кроме того, и само по себе деление прав на имущественные и неимущественные не только трудно проводимо, но и непонятно по практическому значению.

4. Автор полагает, что при строго субсидиарном поручительстве банкротство поручителя не должно давать кредитору права требовать досрочного исполнения от основного должника (с. 13 автореферата).

Строго субсидиарное поручительство не имеет присущей солидарному поручительству функции защиты от кассового разрыва основного должника, но все-таки сохраняет главную функцию поручительства – защитить от банкротства основного должника.

В связи с этим мы не видим причин игнорировать риск утраты этого обеспечения при банкротстве поручителя.

Продолжая предложенный им подход, автор полагает, что «при строгом субсидиарном поручительстве участие кредитора в опережающем банкротстве поручителя исключено. Так, если условием предъявления требования кредитора к субсидиарному поручителю является завершение конкурсного производства в отношении основного должника, то выполнить это требование до закрытия реестра требований кредиторов в деле о банкротстве такого поручителя, причем на фоне исправного исполнения обеспечиваемого обязательства, объективно невозможно» (с. 24 автореферата).

Можно предложить автору обсудить применимость в этом случае подхода, недавно предложенного Верховным Судом РФ для условных

требований на примере требования о предоплате – допускать такого кредитора к участию в деле, но удовлетворять в пятую очередь.

5. Автор полагает, что объяснением того, что мировое соглашение в деле о банкротстве основного должника не должно влиять на судьбу обязательства из поручительства, является то, что «совершение такой сделки происходит не по общегражданским, а по специальным правилам законодательства о банкротстве – по воле большинства кредиторов. Власть этого гражданско-правового сообщества распространяется только на конкурсную массу основного должника. Исключением являются те случаи, когда кредитор выразил свое согласие с условиями мирового соглашения, т.е. фактически когда изменение обеспечиваемого обязательства состоялось по соглашению его сторон» (с. 13 и 27 автореферата).

В этой части автор, на наш взгляд, как раз забывает об обеспечительной функции поручительства – ибо именно она объясняет невлияние мирового соглашения на поручительство: поручитель взял на себя риск банкротства основного должника, и потому все его негативные последствия ложатся на поручителя, а не на кредитора.

В связи с этим, по нашему мнению, и при голосовании кредитора за мировое соглашение поручитель не может ссылаться на такое соглашение.

Кредитор вынужден голосовать за мировое соглашение в силу банкротства основного должника – более того, он голосует за него только тогда, когда оно приносит кредитору больше денег чем ликвидационная процедура. Поэтому мировое соглашение объективно выгодно и поручителю. Давая (как то предлагает диссертант) поручителю право ссылаться на мировое соглашение, за которое проголосовал кредитор, мы приходим к тому, что поручительство ухудшает положение кредитора при банкротстве основного должника (в то время как оно призвано его улучшить). Не случайно иностранные правовые порядки обсуждают проблему того, что имеющие поручительство кредиторы могут

находиться в лучшем положении при голосовании за мировое соглашение чем другие кредиторы, его не имеющие.

Не стоит также забывать и то, что обсуждаемая ситуация возникла только из-за нарушения поручителем своего обязательства - если бы поручитель вовремя заплатил кредитору, то кредитору не пришлось бы обсуждать необходимость заключения мирового соглашения – это было бы (и должно быть) заботой поручителя.

6. Автор полагает, что т.н. принцип абсолютной тождественности долговой нагрузки основного должника и поручителя, закрепленный в абз. 3 третьем п. 51 Постановления Пленума ВАС РФ № 42 по поручительству, жизнеспособен и нет повода его противопоставлять относительной тождественности (с. 21 автореферата).

И вновь, на наш взгляд, автор игнорирует обеспечительный характер поручительства – фиксация размера долга в деле о банкротстве основного должника и замена в нем договорных процентов мораторными имеет целью обеспечить реабилитационную функцию банкротства в отношении основного должника; от этих потерь в процедуре банкротства основного должника и должно защитить кредитора поручительство.

В связи с этим мы считаем ошибочным упомянутое решение ВАС РФ об установлении требований в процедуре банкротства поручителя в размере, ранее установленном в деле о банкротстве основного должника, и полагаем, что в отношениях с поручителем кредитор имеет право на договорные проценты вплоть до даты введения первой процедуры в отношении поручителя.

7. Автор не соглашается с практикой, которая ограничение на голосование залогового кредитора на собрании кредиторов распространяет и на те случаи, когда в обеспечение исполнения того же обязательства тем же лицом было предоставлено поручительство, и ссылается на то, что в подобном случае личное обеспечение не должно поглощаться вещным обеспечением (с. 24-25 автореферата).

Нам же, напротив, верным кажется критикуемый автором подход практики, ибо при стечении залога и поручительства сохраняется причина ограничения голосования залогового кредитора – его приоритет. Непонятно, в чем в обсуждаемой ситуации состоит правомерный интерес кредитора влиять на порядок продажи незалоговой части конкурсной массы.

8. Отстаивая только внутреннюю (но не внешнюю) субординацию поручителя по отношению к первоначальному кредитору (с. 28 автореферата), автор не учитывает бурное развитие идеи субординации требований аффилированных лиц, произошедшее в последние годы в российской судебной практике, которое в т.ч. привело к признанию необходимости субординации суброгационного требования поручителя как лица аффилированного с должником по отношению к требованиям внешних кредиторов.

9. Автор полагает, что в случае искусственного увеличения кредиторской задолженности в преддверии банкротства поручителя следует использовать не правила о конкурсном оспаривании, а ничтожность по ст. 10 ГК (с. 32-33 автореферата).

Однако установление обязательства во вред кредиторам является одним из типичных примеров конструкции кредиторского оспаривания и потому в случае банкротства такого поручителя правильно будет применять именно специальные правила о конкурсном оспаривании, а не статью 10, на которой в России пока базируется оспаривание внеконкурсное.

10. В связи с вышеизложенным мы полагаем, что Сайфуллин Рауил Исламович заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук.

Председатель Банкротного клуба
М.Ч.П., К.Ю.Н.

О.Р. Зайцев

Подпись О.Р. Зайцева
и исполнитель директор банкротного клуба Р.М. Савельев
14.05.19